

А.М. Юсупов

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЦЕНТРА И ЦЕНТРАЛЬНОСТИ В ТЕОРИИ ФЕДЕРАЛИЗМА

Артур Маратович Юсупов — аспирант департамента политической науки факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: iusupovartur@gmail.com.

Аннотация. Целью представленного ниже исследования является построение новой концепции федерализма путем переосмысления логико-теоретической взаимосвязи категорий федерального центра, субъектов федерации и федеральной целокупности. На взгляд автора, способ осмысления фактического материала, несмотря на всю важность соответствующей процедуры, имеет второстепенное значение по сравнению с задачей обнаружения общего замысла (схемы), сокрытого в наличествующем эмпирическом фундаменте. Начальной точкой его рассуждений становится феномен федерального центра, который оказывается логической и теоретической точкой пересечения всех базовых категорий теории федерализма. Опираясь на феноменологический анализ центра как общелогической категории, автор формулирует нетривиальное обоснование необходимости разделения центра и центральности как сущностного содержания системы, что позволяет ему определенным образом переосмыслить соотношение уже реальных политических центров и центров социального объединения. По его заключению, федеративное политическое единство представляет собой целостное выражение единого (политического, социального) центра, диалектически отражающего уже единство самой федерации. Поэтому фундаментальная проблема теории федерализма состоит не столько в ответе на вопрос «кто главнее?», сколько в поиске *способа описания* особого единства политического центра федерации, проявляющего себя через федеральный центр и политические центры субъектов федерации при сохранении сколь угодно широкого разнообразия конституирующих федерацию элементов.

Ключевые слова: федерализм, центр, центральность, полития, политическая форма

Введение

Довольно сложно начинать изложение столь деликатной темы с четкого (тезисного) утверждения своей позиции. Зачастую приходится искать точку опоры в областях, напрямую к данной теме не относящихся и лишь

указывающих на метафорические, смысловые оттенки явления и связанные с ним категории. В какой-то мере это сродни поиску многократно отраженного предмета в комнате с хаотически расставленными зеркалами, где сам предмет теряется среди своих бесчисленных отражений, увлекающих некритическое мышление, побуждая его к гипостазированию мнимых, но кажущихся вполне «настоящими» сущностей. Более того, эти отражения со временем замещают собственный источник и после смены ряда поколений исследователей сами становятся искомым объектом, анализируемой реальностью. Постепенно находятся рациональные толкования сложившейся ситуации, а также теории и положения, «объясняющие» природу и принципы функционирования этой реальности.

Так родилась, например, одна из первых имевших научное обоснование теорий и по совместительству модель строения мира Клавдия Птолемея. Нет нужды напоминать, какие изощренные траектории планет были придуманы и обоснованы для сопоставления воображаемого и действительного — геоцентрическая система мироздания уже самим своим названием искажала (объективно) Солнечную систему, еще отсутствовавшую тогда в субъективном восприятии. Был мир, и были небесные сферы — но не привычная для нас система. Понадобилось более тысячи лет эволюции научного и философского знания, чтобы поменять точку отсчета и поставить в центр мироздания, превращенного в систему взаимно дополняющих друг друга объектов, Солнце — звезду, не имеющую ничего общего с небесными телами системы, которую она организует и сохраняет в целостности. Простое изменение представления о центре позволило убрать ненужные нагромождения петлевых траекторий, заменив их простыми эллиптическими орбитами. Возвращаясь к метафоре комнаты с зеркалами, можно сказать, что произошло *нечто*, повлиявшее на характер восприятия отражений, которые перестали быть «настоящими», — предмет нашелся, причем ценой нескольких разбитых зеркал. Невольно вспоминаются легендарные «Хроники Амбера» Роджера Желязны, где герои-принцы вынуждены проходить сквозь отражения (аналог мультивселенной) в поисках настоящего Амбера, который сам в конце концов оказывается отражением другого, «более настоящего» мира, символически обозначающего собою хаос, бездну и первопричину в одно и то же время¹.

¹ Далее в процессе рассуждений я не буду возвращаться к этой метафоре, но всегда буду иметь ее в виду.

Таким образом, говоря более формализованным языком, постоянное смещение некоего последнего «предела», выступающего искомым x — предметом поиска, но не очередным отражением — в существующей системе теоретических координат, является актуальной проблемой для всех областей современной науки, предстающей как вечное движение от одной концептуализации мнимых объектов к другой. Особый интерес вызывает социальная реальность, принимающая исключительно выразительные формы в действительном мире и репрезентирующая себя в виде различного рода социальных феноменов и сущностей,

² Я фокусирую внимание лишь на философских коннотациях данного термина и ни в коей мере не рассматриваю социальное как трансцендентное буквально — совсем наоборот, оно целиком и полностью расположено «здесь» и никакого обращения к чему-то за пределами мира не требует.

³ См. Wheare 1963; Davis 1978.

⁴ См. Riker 1964.

⁵ См. Friedrich 1968.

⁶ См. Elazar 1987.

⁷ См. Livingston 1956.

⁸ См. Burgess 2012: 9.

внутренние и внешние взаимосвязи которых приходится обнаруживать порой весьма нетривиальными способами. Само же социальное скрыто от нас (трансцендентно²) и не сводится к тем явлениям, которые предлагает нам в качестве собственного выражения. Меня, однако, здесь интересует только одно — социальный феномен не всегда представляет собой искомую сущность, точку отсчета, задающую условия теоретизирования и упорядочивания фактического пространства, сам при этом будучи порой чем-то скорее сопутствующим, нежели первоуродным (начальным). Данное утверждение можно проиллюстрировать примером, напрямую относящимся к теме настоящего исследования. В известной мере речь идет о еще одном исходном положении, только уже более специализированного вида: федерализм как в первую очередь социальная сущность не может быть определен через его базовые элементы (федеральный центр, конститутивные единицы и федеративные отношения). Эта сущность трансцендентна и *выражается* посредством своих элементов, не являющихся ни по отдельности, ни тем более в совокупности федерализмом или же федерацией. Существует большое количество описательных моделей федерализма, базирующихся на аналогиях с чем-то родственным: федерализм как принцип³, федерализм как рынок⁴, федерализм как процесс⁵, федерализм как ковенант⁶, федерализм как инвариант демократии, культуры⁷ etc. В основе всех такого рода концептуализаций упор на тот или иной элемент федерализма, который трактуется как ключевая его характеристика. Между тем, по справедливому замечанию Майкла Берджесса, все это лишь «дополнительные измерения федеративного духа», проясняющие многие моменты, но не саму суть федерализма⁸. Главный минус подобного одномерного подхода заключается в потере связи между федерализмом и политически организованным сообществом, чьей формой так или иначе он выступает. Выдвижение на первый план того или иного элемента федеративной конструкции неизбежно влечет за собой утрату федерализма как целого, оставляя обширное поле для последующих спекулятивных рассуждений о различных теоретических и практических следствиях соответствующей модели.

За бортом упомянутых концептуализаций остается единственный элемент, которому по непонятной причине отказали в праве быть равноправным выражением федеративной идеи, навязав ему роль столицы государства или (в лучшем случае) места общего (федерального) плебисцита. Речь идет о федеральном центре, вещи очевидной, а потому не актуальной для многих исследователей, занимающихся не столько федерализмом, сколько политической теорией вообще. О нем весьма скупо пишут даже теоретики властных отношений, вспоминая его исключительно в концепциях разделения суверенитета, но и там он не выступает объектом исследовательского интереса, а лишь сопутствует рассуждениям автора в качестве места развития «сюжета». Он атрибут федерализма, о котором упоминают, как правило, по необходимости, хотя бывают и исключения. Анархический федерализм — та же, в сущности,

политическая форма, обходящаяся (в идеале) без четко выраженного федерального центра, — яркий тому пример.

Очевидность федерального центра проистекает из буквалистского отождествления федерального центра с политическим центром национальных/унитарных государств. Между ними действительно много общего: наличие города или поселения как физического места расположения общегосударственных институций, высших органов власти (зачастую ничем не отличающихся от своих унитарных аналогов) и представительств иностранных государств, дискурсивные и нарративные отождествления, наконец, «центральные», «столичные» ярлыки. Выделить из эмпирического материала что-то присущее именно федеральному центру довольно сложно, даже путем сравнительного анализа, столь популярного в федералистских исследованиях, так что в итоге по большей части возникает не общая теория федерализма, а теоретизированная история конкретной федерации. Чтобы решить эту проблему, необходимо изменить теоретическую координатную сетку и точку отсчета, провозгласив базовым принципом федеративного устройства федеральный центр. Первичным результатом такого изменения, скорее всего, станет очередная концепция федерализма по аналогии («федерализм как...»). Только вот пока неясно, сравнение с чем может дать ключ к пониманию федерализма. Какой базовый принцип, обнаруженный в федеральном центре, способен отразить хотя бы часть федерализма как целого? Какие смыслы кроются в центре федеративной политики и каким образом их можно выявить? Поиску ответов на эти вопросы и посвящена настоящая статья.

**Центр
как феномен
и аналитическая
категория**

Федеральный центр, как бы мы его ни воспринимали, есть прежде всего центр — средоточие федеративной политики, точка ее смысловой симметрии. Однако понятия «средоточие» и «симметрия» в контексте рассматриваемой нами проблемы опять же не очевидны — они рекурсивно отсылают обратно к центру, вовлекая нас в процесс математической тавтологизации, выталкивающей на поверхность слишком отвлеченное рассуждение. Как можно представить средоточие политической/социальной структуры? А следовательно, как можно представить симметрию социального? Ситуация усугубляется тем, что соответствующие сущности, отражаемые в научном дискурсе собственными аналитическими категориями, аллегоричны, метафоричны и символичны, а какой может быть центр у метафоры или символа? Не буду касаться здесь феномена сращивания объективной сущности и ее символического воплощения — подробнейший анализ репрезентаций символического, проведенный на обширном историко-культурном материале, можно найти в книге Михаила Ямпольского «Физиология символического»⁹, но речь идет в данном случае о самой возможности перенесения геометрической метафоры, геометрического способа изображения и визуализации действительности на почву а priori не пространственную¹⁰ в своем осмыслении и презентации.

⁹ Ямпольский 2004.

¹⁰ Опять-таки в геометрическом смысле.

Дабы не порождать новые, кажущиеся бессмысленными (или как минимум неподъемными) вопросы и не блуждать в рекурсивной петле, обратимся к интуитивной точке пересечения всех возможных определений центра — к предельной математической абстракции идеальной точки и ее свойств в пустом пространстве, заданным этой точкой. Центр, таким образом, «есть нечто единичное и при этом, во-первых, окруженное множественностью, во-вторых, производящее ее»¹¹. Довольно лаконичное и емкое определение, фиксирующее наиболее общие свойства абстрактного центра применительно к фону (континууму), который он организует. Точка задает пространство и упорядочивает его, вне зависимости от того, имеется ли в этом пространстве организуемая множественность. Более глубокие смысловые оттенки можно обнаружить в специальных определениях центра в точных науках. Например, в физике центр масс определяется как «геометрическая точка, характеризующая движение тела или системы частиц как *целого* (курсив мой — А.Ю.)», а центр тяжести — как точка, «относительно которой суммарный момент сил тяжести (действующих на систему) равен *нулю* (курсив мой — А.Ю.)»¹². Меня интересует не столько математическое содержание данных дефиниций (оно не особенно важно в контексте настоящего исследования), сколько символическое наполнение центра как понятия и категории, которое, будучи фундаментальным¹³ для всех наук, способно «протаскивать» свои смысловые коннотации сквозь все методологические барьеры дисциплин. Даже когда центр отрицается, самой негацией уже привносится его содержание, пусть и с приставкой «не-». Мы можем, конечно, назвать результат такой операции условно «не-центром» и всячески деконструировать содержание центра либо замещать его противоположным, но, как ни парадоксально, итогом подобных действий окажется абсолютно идентичное понятие центра, которое не меняет своей сути даже в отрицании. Я еще вернусь к этому сюжету при описании понятия и процесса инверсии центра, однако сейчас сконцентрируюсь на приведенных дефинициях.

Если в первом определении слово «целое» недвусмысленно указывает на объединяющую, концентрирующую и — в некотором смысле — репрезентирующую роль центра, то во втором словом «ноль» подчеркивается уже то ли сила диссоциации организуемого множества, нивелируемая центром, то ли оборотная сторона самого центра, который, выступая организатором определенного порядка своего окружения, вместе с тем является символически пустым (лишенным содержания, но не присутствия). Завершающим аккордом станет более сложное и самое полезное, как мне представляется, определение центра группы в математике как множества «элементов данной группы, которые *коммутируют со всеми* (курсив мой — А.Ю.) ее элементами»¹⁴. Коммутация со всеми — это признак вычисления одновременно *всех* соотношений конкретного подмножества элементов (собственно, будущего центра группы) с остальными элементами множества. Совершенно аналогично определению центра графа как

¹¹ Каспэ 2007: 19.

¹² Тарг 1999: 624—625.

¹³ Или, пользуясь выражением Святослава Каспэ, «бессмертным».

¹⁴ Center 2011.

¹⁵ Weisstein s.a.

множества «всех вершин А, для которых максимальное расстояние <...> до других вершин В минимально»¹⁵.

Определять центр можно очень долго, перебирая все возможные связи центра с любым объектом действительности, но это придаст лишь дополнительный оттенок одному из приведенных выше базовых (на мой взгляд) определений. Сам же центр как неуловимая сущность останется неопределенным. Двигаясь традиционным образом, выше абстрактной точки, как и абстрактного пространства, подняться уже нельзя¹⁶. Мы лишь описываем центр, его внешнюю сторону; внутреннее же его строение только подразумевается. Когда мы говорим, что центр задает, организует, коммунтирует, поддерживает, мы имплицитно предполагаем в нем (не зная, что это) нечто внутреннее (можно назвать это силой, содержанием, сущностью, чем угодно — на данном этапе это не принципиально), то, что обуславливает его внешние свойства. С одной стороны, определение не может быть ситуативным (иначе оно будет сугубо операциональным), с другой — оно должно характеризовать центр, улавливая различные его внешние проявления, фиксируемые в специализированных «определениях». Иными словами, что бы мы с центром ни делали и как бы ни подстраивали его под нужды той или иной теоретической и практической ситуации, он должен оставаться самим собой — центром. Только такое определение центра будет действительно его определением, а не описанием его внешних свойств по отношению к чему-то. Его внешние характеристики, как уже было сказано, обретают свою плоть в рамках какой-либо ситуации.

¹⁶ На самом деле можно, но это уже задача философии и диалектики, некоторые возможности которых я буду использовать по необходимости.

Для начала стоит попытаться сформировать наиболее общую типологию внешних качеств феномена центра, подразумевая под «типами» базовые интуиции, лежащие в основании того или иного определения центра. Их следует понимать не буквально, но предельно абстрактно. Данные интуиции и ощущаемые под ними категории предельно чисты от сторонних смыслов и прежде выражают сами себя, нежели что-то иное. Сходным образом поступил в свое время Фрэнсис Бэкон, выделив четыре группы человеческих ошибок (названных им «призраками»); сами по себе они были такими же интуициями.

Первая интуиция напрямую связана с ощущением пространства и определяется как *место*. Не место центра, а центр как место. У точки имеется свое место; острие циркуля и ось вращения Солнечной системы тоже наделены своим — и ничьим иным — местом. Можно по ошибке заключить, что центр *обладает* своим местом, но на самом деле подобный оборот («центр обладает местом») лишь уловка языка. Центр и *есть* место, которое выделяется среди других мест только тем, что *называется* оно центром и выполняет функции, присущие центру. Еще до того, как мы увидим сам центр и поймем, *что* он собой представляет, мы вообразим центр как место и никак иначе. Поэтому он не абстрактная «площадь», которую можно «урезать» или увеличить, но место логическое, место смысловое или, грубо говоря, пространство, лишенное определенной метрики, безразмерное абстрактно-смысловое

пространство. Аналогию здесь проще всего найти в арифметике — как место числа (существующего лишь идеально), подразумеваемое в обязательном порядке: во-первых, число находится в числовом ряду (пятерка сама по себе подразумевает «соседствующие» четверку и шестерку и полностью всю бесконечность числового ряда); во-вторых, число, если отвлечься от количественного его «наполнения», есть просто элемент, который, как бы ни было велико это «наполнение», неизменен в своем логическом значении элемента последовательности¹⁷. Дальнейшее погружение в данную тему мне кажется нецелесообразным, так как отмеченные характеристики категории места очевидны и не нуждаются в дополнительном комментировании.

Вторая интуиция выводится напрямую из первой и может быть выражена через понятие вместилища, более сложное и тонкое, чем понятие места, и по ряду параметров принципиально с ним не совпадающее. Главное интуитивное отличие вместилища от места — способность вмещать в себя нечто иное по своей природе, нежели «субстанция» самого вместилища. Центр — «емкость», вмещающая в себя все то, что делает ее центром. Точка, к примеру, это тоже вместилище, некий объем, занимающий определенное и единственное место в пространстве, которое задано наблюдателем или самой системой (что в принципе одно и то же). Вмещает же она сам факт устройства (или, проще, организации) наблюдателем того порядка вещей, который он для себя фиксирует. Последней фразой я невольно включил в рассуждение последующие интуиции, к которым без промедления и перехожу.

Третья и четвертая интуиции, в противоположность двум предыдущим (условно, пространственным), сфокусированы на содержательно-смысловом понимании центра. Интуитивно мы представляем себе центр как некий объект (*тело*), некую структуру — нечто оформленное и включенное в систему. Мы интуитивно считаем Солнце (материальный объект) центром Солнечной системы, ибо с математической точки зрения оно находится в «центре» системы (что не совсем так с точки зрения классической физики и общей теории относительности, согласно которым физический центр Солнечной системы — центр масс — может быть расположен даже за границей внешних оболочек центральной звезды), порождая и поддерживая ее своим гравитационным полем. Даже «глаз» циклона, пустой по своей сути, мы называем его центром и указываем¹⁸ на него как на центр системы. Здесь важна сама *объектность* центра, его структура, даже если центр, как мы увидим впоследствии, невыразим физически или каким-то иным способом и его структура передается в лучшем случае метафорически. Структура в данном контексте не синоним вместилища (как вместилище есть не объект, а лишь потенция наполнения и опустошения), поскольку она определяется в первую очередь своим строением и, как правило, выполнением некоей роли и функции¹⁹. Если понятие вместилища фокусирует внимание на ощущении объема, который может и должен быть чем-то заполнен, то структура,

¹⁷ *Подробнее о диалектике числа и его «месте» см. Лосев 1997. Критический анализ пространства как порядка и схемы восприятия см. Карнап 1971; Филиппов 2008.*

¹⁸ *Наверное, это лучшее слово, выражающее ощущение предметности/объектности центра. Гораздо труднее рассуждать о вещах, на которые нельзя указать с уверенностью и без тени сомнения.*

¹⁹ *Исчерпывающий анализ «пределов» и «концептных натяжек» структурно-функционального подхода в социальных науках, ставящий под сомнение «очевидную» связь «структура-функция», см. Sartori 1970.*

образно говоря, отражает «форму» этого объема, его фигурность и воплощение в самом общем смысле.

Очевидно, однако, что данные интуиции применимы не только к центру, но практически к любому феномену. Что же в таком случае делает центр центром? Что именно выделяет его среди других феноменов? Четвертая — и последняя — интуиция, затрагивающая завершающий и важнейший смысловой момент центра, касается его *наполнения*, то есть той его характеристики, которую в дальнейшем я буду называть *центральностью*. Центральность, трактуемая как внутреннее содержание центра, привносится наблюдателем и не сводится к качеству или совокупности качеств. Возьмем, например, определение центра окружности как внутренней точки, *равноудаленной* от всех точек окружности. Ключевое для этого определения свойство равноудаленности нетрудно принять за содержание центра, но подобное умозаключение ошибочно и чревато бессмысленным поиском аналогов равноудаленности в остальных центрах, в том числе в социальных системах. Качество «равноудаленный» привнесено извне и закреплено исходя из наблюдаемой или конструируемой ситуации, в рамках которой представлена *система*, где центр действительно может восприниматься как равноудаленный. Как это ни странно, но центральность не столько описывает центр изнутри, сколько *задает внешние условия его внутреннего содержания*. Так, «равноудаленность» есть не просто качество центра, но характеристика его *соотнесения*, отношения с тем, что обуславливает его содержательные свойства. Таким образом, можно сделать вывод, что центральность, превосходя качество *per se* по своему значению и роли, находится *вне самого центра* и отсылает к внешнему его окружению, связывая друг с другом то, что служит «центром» (вместилищем, формой) и его фоном, или периферией. На данном этапе я хотел бы подчеркнуть переход от герметичного понимания центра как чего-то отдельного, отграниченного от остального мира и самодостаточного к осознанию прочной и жизненно необходимой для него связи с тем, что можно обозначить как «не-центр».

В самом общем виде «центр» обычно используется в связке с тем, *что* находится на расстоянии²⁰ от него, как физически (географически), так и «социально». Само расстояние выступает первым разделением еще не структурированных объектов, наделяя субстанционально разными характеристиками и центр, и периферию. Центр становится фокусом всех мыслимых и немыслимых потенциалов, вытягиваемых из периферии (или направленных к центру как точке приложения сил). Возникает иерархия ландшафта, сложная дифференциация всех включенных в этот процесс элементов, происходит маркировка пространства, где центр (каким бы по природе он ни был) выступает «полюсом», по отношению к которому совершаются действия в зоне его «покрытия». Меня в данном случае интересуют два вопроса: (1) чем обусловлено расстояние (дистанция) между поляризующимися началами и последующее разделение «мира» и наполнение его смыслом? (2) в чем заключается

²⁰ *Расстояние (как и всякую пространственную метафору) здесь следует понимать в логико-смысловом ключе — как разницу, наличием которой даже между абсолютно одинаковыми объектами.*

«разница» между тем, что мы называем центром, и тем, что мы называем периферией, *кроме* самой дистанции, интуитивно присутствующей в наших, к сожалению, недостаточно глубоких соображениях о различиях между ними?

Первый вопрос касается способа восприятия мира и может быть прояснен с учетом интенциональной природы человеческого мышления и мирозерцания. Человек как наблюдатель есть *онтологически* безусловный центр окружающего его неравномерно заполненного пространства. Человек отделяет *себя* от всего остального аксиоматически (ему не нужно доказывать себе, что он не камень или не тот колодец вдалеке). То есть центральность (позиция в центре) наблюдателя бесспорна и не подлежит сомнению — весь мир не является тем, *кто* наблюдает²¹. Эти начальные положения очевидны. Очевидным будет и то, что направление взгляда (ось интенции) образует также ось зримого пространства, перпендикулярную плоскости горизонта (полю зрения). Так вот, можно предположить, что сама ось на плоскости представляет собой точку — центр видимой плоскости — как проекцию наблюдателя (выступающего центром окружающего его пространства) на видимую им плоскость, где «окончание» взгляда, упирающегося в центр этой плоскости, формирует новый, *спроецированный* центр. Направляя взгляд, наблюдатель задает центром горизонтальной плоскости перед ним объект (мнимый, если там вообще ничего нет), на который направлен его взгляд, выстраивая и организуя все остальное поле зрения (центрируя его) «вокруг» этого объекта. Ничем иным, кроме самого факта направленности взгляда, «центральность» данного объекта объяснить не удастся. Проекция сохраняет схожесть с проецируемым, поэтому, как бессмысленно доказывать свое отличие от камня, бессмысленно задаваться вопросом, почему объект, на который смотрит наблюдатель, является центром его визуального пространства. Как заметил однажды Эмиль Мишель Чоран, «человек испытывает абсолютную потребность находиться в центре всего <...> Мало того, это и есть единственная причина, объясняющая, почему он — человек, почему он стал человеком»²². Подобный экскурс в отчасти фиктеанские размышления позволяет рассматривать центр и периферию в качестве предельно абстрактных полюсов аксиоматически заданной матрицы отношений между феноменами по аналогии с центральным местом наблюдателя и окружающим его миром.

Второй вопрос фокусирует внимание на противоречии, вытекающем из того простого факта, что и центр, и периферия — полярные моменты самого *отношения* между ними (пока именуемого мною «дистанцией»), в рамках которого центр обычно воспринимается как ограниченное, локализованное, плотное, организованное, оформленное начало, а периферия — как удаленное, неорганизованное (по сравнению с центром) и порой бесконечное множество (проще говоря — граница или предел²³, что, к сожалению, скорее затрудняет, нежели облегчает понимание). Противоречие возникает тогда, когда мы ставим периферию в зависимость от центра, что базируется на эмпирических

²¹ Подробнее см. Кошило 2001.

²² Сиоран 2008: 182.

²³ Слово «периферия» происходит от греч. *περιφέρεια* — окружность. Кстати, в Греции перифериями называют самые крупные административно-территориальные единицы, которые объединяются в децентрализованные самоуправляющиеся администрации.

данных, но лишено теоретического обоснования. Требуется обнаружить разницу между ними, подтвердить ее объективный характер — либо опровергнуть его и в таком случае предложить иное понимание центра и периферии. На более формализованном языке можно сказать, что если из А следует В, это означает не только то, что В подчинено А, но и (причем в первую очередь) то, что В, как и А, *необходимо* для создания заданной последовательности (структуры) или ее элемента (то есть определенного порядка), а следовательно, А и В детерминированы друг другом. Центр детерминирован периферией и нуждается в ее существовании, как и периферия — в существовании центра. Говорить о доминирующей роли центра в таком случае не представляется возможным. Его преобладание и доминирование являются вынужденными и навязанными извне. Для проверки данного утверждения проведем мысленный эксперимент, поменяв местами центр и периферию как фундаментальные смысловые элементы центр-периферийной конструкции, преобразовав центр и всю систему «центр—периферия» путем инверсии в их противоположность. Иными словами, попытаемся вывернуть центр наизнанку, превратив его в «не-центр». Если в результате этой операции нарушится порядок и система «центр—периферия» не сможет функционировать, значит, у центра и периферии действительно имеются некие объективные, субстанциальные свойства, и, соответственно, линия исследования должна быть развернута в ином направлении. Если же обнаружится нечувствительность центра и периферии к преобразованию, их полная смысловая симметрия, это будет указывать на взаимозаменяемость элементов системы, что позволит сместить акцент с самих элементов на связь между ними.

Если абстрагироваться от некоторых «хрупких» качеств оформленного центра и множественной периферии и представить их «гибкими» и неразрушимыми, то можно провести параллельную трансформацию центра в периферию и периферии в центр, просто растягивая и выворачивая центр (представив его как абстрактную безразмерную точку), который в итоге займет бывшее место периферии (бесконечно далекой множественности), а та, сжавшись в точку, встанет на место центра. Преобразованный в свой антипод центр предстает перед нами той же множественностью, которой до этого была периферия, ограничивая свое некогда внешнее окружение, ставшее теперь его «внутренним» содержанием. Интенция «не-центра» не изменилась, он остался обращенным к тому, что теперь зовется «не-периферией». Поменялись места элементов, но не их роль в самой системе. Центр просто сменил свою локацию, и теперь он не указывает из своего «центрального» положения множеству вокруг него, как ему быть, а диктует «извне», «давит», полностью *ограничивая* и окружая собой свое множество, которое из внешнего для него стало внутренним. Периферия же, обратившись в «не-периферию», полностью уподобляется центру, располагаясь в фокусе системы, куда как в место концентрации теперь направлены все внутренние силы и потенции последней, воспринимаемые нами уже как модальные, а не подчиненные. Возможность инверсии свидетельствует об эквивалентности

центра и периферии и их инверсных антиподов — они эквивалентны, как «правое» и «левое» или как противоположные по знаку электрические заряды, что позволяет говорить об отношении (и дистанции) между ними как об отношении *тождества*. Здесь важна сама мыслимость подобной операции в неких идеальных условиях, а также то, что при ее проведении неизменной оказывается только связь между центром и периферией, отношение между ними, вокруг которого и строится вся система, располагающаяся между полюсами. Тем самым центр и периферия как зеркальные отражения друг друга отходят на второй план, выражая и поддерживая существование того, что и является «духом» системы, ее подлинным смыслом и сутью.

Теперь нам осталось вписать в эту конструкцию то, что позволяет существовать центру и периферии как полноправным частям действительности, то есть формировать сложные структуры, наблюдаемые нами в сложных физических и социальных системах. Речь идет о центральности, которая, как было показано выше, не сводима к качеству центра, его внутреннему содержанию, а располагается за его пределами, внеположно определяя его. Но «за пределами» — не означает «вне». В рассматриваемой системе координат кроме центра, периферии и их тождества больше ничего нет. Центр и периферия — тождественные *границы* содержащегося между ними, распределяющегося соответственно порядку самого тождества. Методом исключения мы получаем, что именно тождество есть пространство расположения центральности, раскрывающей себя как *системное* качество, наполняющее связь центра и периферии смыслом. Но что это за смысл? Если на данном уровне абстракции «центр» и «периферия» эквивалентны, а дистанция между ними определяет их *единственное* субстанциональное различие, то что же в таком случае будет смыслом этого различия? Центральность как объединяющая идея в предельном своем выражении, на мой взгляд, обозначает функцию, относящуюся к тождеству, как элемент относится к своему месту. Тождеству, как и месту, совершенно безразлично, *что* оно в себе содержит (или *что* на нем расположено), ибо и тождество, и место, будучи пространственными категориями²⁴, организуют порядок системы безотносительно к ее содержанию, как чистая потенция всякого размещения, всякой возможности бытия. Центральность, будучи (подобно элементу) смысловым моментом, наделяет значением само тождество, концентрируясь по мере уменьшения степени абстрагирования в полюсах системы «центр—периферия», дифференцируя себя на уже подлинно обоснованные противоположности — обоснованные действительными, а не умозрительными причинами. Полюса приобретают «вес»; абстрактный полюс «центр» становится привычным (отдельным и герметичным) для нас центром; и все прочее выстраивается в знакомую схему иерархизированной целокупности, в конце концов распадающейся на независимые части — центр, периферию и границы между ними. Таким образом, центральность выступает своего рода ключевым фактором сопряжения абстрактного аспекта системы «центр—

²⁴ Если под тождеством понимать смысловую дистанцию.

периферия» и ее действительного воплощения, в котором тождество «прячется», обволакиваясь, наполняясь центральностью (смыслом), воспринимаемой нами как качество или совокупность качеств, определяющих центр системы и его периферию.

Как видно из вышесказанного, центр как феномен совсем не очевиден и внутренне противоречив. Локализация центральности как внутреннего содержания центра вне его самого вступает в противоречие с базовой интуицией центра как вместилища, при буквальном толковании напоминающего короб, в который можно что-то положить. Но полость короба не может находиться за его пределами! Преодолеть дихотомию внутреннего и внешнего позволяет понимание вместилища не как пустого короба, а как поверхности шара, где и располагается проецируемая извне центральность. На поверхности этого шара «отражается» вся окружающая центр множественность, репрезентируя себя как периферию, наполняя своими отражениями внутренне-внешнее содержание центра. Тем самым мы в очередной раз приходим к тому, что ни центр, ни периферия не являются в конечном счете автономными и самодостаточными субъектами, поддерживая, тем не менее, функцию соотнесения элементов целокупности. Взаимное бесконечное переотражение единой раздельного смысла — вот подлинная природа и стихия центра; он связывает элементы воедино, воплощаясь в том или ином материальном объекте или сохраняя более сложные системные (биологические и/или социальные) формы, лишь выражающиеся в физическом пространстве, но «размещающиеся» в пространстве незримом и ненаблюдаемом напрямую.

Но где же в таком случае центр? Мы знаем, что центр *есть*, его не может не быть, — и задаем его а priori, ибо только таким образом способны структурировать окружающую нас действительность. Но вместе с тем мы не в состоянии где-либо зафиксировать объективный и автономный центр, не зависящий от нашего восприятия и существующий сам по себе. И здесь невольно вспоминается известное эссе Мишеля Фуко, посвященное картине Рене Магритта «Вероломство образов»; проанализировав обе версии этой картины (с рисунком трубки и подписью «Это не трубка» и с изображением этого варианта картины в раме, стоящей на мольберте, над которым парит «идеальный образ» трубки) Фуко уверенно заключает: «Нигде нет трубки»²⁵. Это отсылает нас к проблематике самого существования центра, вернее, его *необходимости* как феномена. Использование понятия «центр» как аналитической категории связано с его удобством и очевидностью (в отличие от концепта самоорганизации), но такое употребление не требует обязательного наличия конкретного центра как денотата, представленного в реальности. Рассуждать на эту тему можно еще долго, но чтобы избежать погружения в сферу догадок и, что еще хуже, не впасть в чрезмерное философствование уровня юмианской критики причинности, ограничусь лишь констатацией двойственности положения центра, его диалектической природы.

Можно, конечно, сказать, что центр *распределен* в системе, и, абстрагировавшись от дуализма «центр—центральность», понимать

²⁵ Фуко 1999: 33.

«центр» как нечто вроде оператора функций в математике, задающего соответствие элементов множества. Но подобная редукция чревата полным размыванием, распылением организующего начала — редукция центра к системным отношениям приведет к тривиальному упрощению всего проделанного нами пути. Такая трактовка допустима лишь в том случае, если само распределение — не более чем *видимость*, способ выражения единого и неделимого центра, который включает в себе центральность, но не сводится к ней.

Завершая обсуждение центра как феномена и аналитической категории, хочу отметить, что представленная выше концептуализация предельно абстрактных центра и центральности отнюдь не претендует на роль всеохватывающей общей теории центра или, тем более, теории систем. Моя цель заключалась в другом — задать основные рамки последующего теоретического анализа центра в социальных системах, зафиксировать наиболее важные сущностные противоречия категории центра, без прояснения которых нельзя приступить к прямому анализу федерального центра как центра федеративной политики, то есть организованной сложной социальной и политической целостности.

Сущность федерального центра

Ключевой для исследуемого мною феномена момент заключается в нерасторжимом единстве социального и политического модусов политики (а федерация, без сомнения, является сложноорганизованной политией) и практической невозможности их разделения. Будучи не просто политическим центром, но политическим центром некоей совокупности политий (а значит, и их политических центров тоже), федеральный центр представляет собой комплексное объединение *уже* организованных элементов (субъектов федерации). У центральности федеративной системы, таким образом, имеются две оси — объединение субъектов в единое целое и объединение в то же самое целое компонентов данных субъектов, — что находит практическое выражение в двухпалатных парламентах с представительством субъектов, с одной стороны, и населения этих субъектов или прочих важных для политической системы элементов, с другой.

Однако в рассматриваемом случае речь идет не столько о репрезентации интересов, сколько о конструировании действительной целостности политического организма посредством федерального центра — структуры, поглощающей содержание организуемых ею элементов и отличающейся от прочих политических центров (например, центров унитарных образований) тем, что политическое единство включаемых субъектов сохраняется²⁶. Интересно здесь совсем другое — не только федеральный центр «отражает» субъекты федерации как элементы организуемого множества, но и политические центры этих субъектов «отражают» как другие субъекты федерации (и их политические центры), так и федеральный центр! Если до подписания договора о создании федерации ее будущие субъекты воспринимались друг другом как *чужие*, принадлежащие к числу *внешних* акторов, то с образованием федеративного союза они

²⁶ Подчеркну, что речь идет не об автономии или свободе, но именно о политическом единстве и целостности.

переходят из внешней среды во внутреннюю — иные политические целостности, не перестав быть иными, оказываются интегрированы во внутреннюю структуру политической субъектности политики. Федеральный центр «множится», пребывая в политическом центре каждого субъекта федерации в качестве символа, условного «знака» внутреннего единства и соотношения с другими элементами системы, при этом оставаясь в некотором роде единой для всех инстанций, расположенной «где-то» вне всех входящих в федеративный союз политий.

Если в унитарном государстве мы имеем дело с простой иерархией и гегемонией политического центра над остальными территориальными единицами, то в федерации политический порядок выстраивается антиномично, с сохранением видимых внутренних противоречий и парадоксов, среди которых, вслед за Карлом Шмиттом²⁷, можно выделить три основных: 1) федеративный договор, с одной стороны, ограждает членов федерации от внешних угроз, а с другой — отбирает у них часть автономии; 2) федеративный договор обеспечивает относительную свободу членов федерации (их суверенитет), но вместе с тем позволяет федеральному центру вмешиваться в их внутренние дела; 3) ни федерация, ни ее члены не обладают каким-либо властным преимуществом, поскольку в случае дисбаланса федеративная модель политической организации мгновенно трансформируется либо в унитарную, либо в конфедеративную. Эти парадоксы нельзя разрешить стандартной апелляцией к теории демократии или концепции либерализма — здесь требуется кардинально новый взгляд, позволяющий осознать диалектическую природу соответствующих характеристик и осмыслить их как необходимые элементы общей конструкции.

В результате мы получаем не столько отдельные политические центры во главе с федеральным, сколько некий общий центр, элементы которого диффузно объединены и составляют целое. Их связь не сводима к конституционному разграничению полномочий, внутреннему дуализму и какой-либо иной попытке четко развести федеральный и региональный уровни; федеральная власть — это не федеральный центр, а его институциональное выражение, равно как и столица субъекта федерации со своим парламентом и правительством не есть его политический центр. Федеральный центр и центры входящих в состав федерации политий образуют *единый* центр, институциональные эквиваленты которого территориально (пространственно) расположены в различных частях федерации. Шмитт, безусловно, прав, указывая, что любой дисбаланс в соотношении институциональных частей федеративного союза грозит коллапсом политической системы и ее переходом в другое, более стабильное состояние. Поэтому фундаментальная проблема теории федерализма заключается не столько в ответе на вопрос «кто главнее?», сколько в поиске *способа описания* особого единства политического центра федерации, выражающего себя через федеральный центр и политические центры субъектов федерации при сохранении сколь угодно широкого разнообразия конституирующих федерацию элементов.

²⁷ См. Schmitt 2008.

Библиография

- Карнап Р. (1971) *Философские основания физики: Введение в философию науки*. М.: Прогресс.
- Каспэ С.И. (2007) *Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма*. М.: Московская школа политических исследований.
- Кошмило О.К. (2001) *История формирования субъективности (структурно-феноменологический анализ)*. Дисс... канд. филос. наук. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена.
- Лосев А.Ф. (1997) *Хаос и структура*. М.: Мысль.
- Сиоран Э.М. (2008) *Горькие силлогизмы*. — М.: Эксмо, Алгоритм.
- Тарг С.М. (1999) «Центр инерции (центр масс)» // *Физическая энциклопедия: В 5 т.* Т. 5. М.: Большая российская энциклопедия: 624—625.
- Филиппов А. (2008) *Социология пространства*. СПб.: Владимир Даль.
- Фуко М. (1999) *Это не трубка*. СПб.: Художественный журнал.
- Ямпольский М. (2004) *Физиология символического. Кн. 1. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима*. М.: Новое литературное обозрение.
- Burgess M. (2012) *In Search of the Federal Spirit: New Theoretical and Empirical Perspectives in Comparative Federalism*. Oxford: Oxford University Press.
- «Centre of a Group». (2011) // Hazewinkel M., ed. *Encyclopedia of Mathematics*. Springer. URL: https://www.encyclopediaofmath.org/index.php/Centre_of_a_group (accessed 12.08.2017).
- Davis S.R. (1978) *The Federal Principle: A Journey through Time in Quest of a Meaning*. Berkeley: University of California Press.
- Elazar D.J. (1987) *Exploring Federalism*. Tuscaloosa: The University of Alabama Press.
- Friedrich C.J. (1968) *Trends of Federalism in Theory and Practice*. New York: Praeger.
- Livingston W.S. (1956) *Federalism and Constitutional Change*. Oxford: Clarendon Press.
- Riker W.H. (1964) *Federalism: Origin, Operation, Significance*. Boston: Little, Brown & Co.
- Sartori G. (1970) «Concept Misformation in Comparative Politics» // *The American Political Science Review*, vol. 64, no. 4: 1033—1053.
- Schmitt C. (2008) *Constitutional Theory*. Durham: Duke University Press.
- Weisstein E.W. «Graph Center» // *MathWorld — A Wolfram Web Resource*. URL: <http://mathworld.wolfram.com/GraphCenter.html> (accessed 12.08.2017).
- Wheare K.C. (1963) *Federal Government*. London: Oxford University Press.

A.M. Yusupov

CONCEPTUALIZATION OF THE CENTER AND CENTRALITY IN THE THEORY OF FEDERALISM

Arthur M. Yusupov — Ph.D. Student, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences, National Research University *Higher School of Economics*. Email: iusupovarthur@gmail.com.

Abstract. The main purpose of this paper is to construct a new conception of federalism by reinterpreting the logical-theoretical relationship between the categories of the federal center, the subjects of the federation and the federal whole. In the author's opinion, the task of comprehending the factual material, despite the importance of this procedure, is of secondary importance in comparison to the task of identifying a common plan, or scheme, hidden in the existing empirical foundation. The author starts with discussing the phenomenon of the federal center, which becomes the logical and theoretical point of intersection of all basic categories of the theory of federalism. On the basis of the phenomenological analysis of the center as a general category, the author formulates a non-trivial justification why it is necessary to distinguish between the center and centrality as an ontological content of the system, which allows the author to rethink the relationship between the real political centers and centers of social unification. The author concludes that the federal political unity represents an integral expression of a united (political, social) center, which dialectically reflects the unity of the federation itself. Therefore, the fundamental problem of the theory of federalism consists not so much in answering the question "who is more important?", but rather in searching for a *way of describing* the special unity of the political center of the federation, which manifests itself in the federal center and the political centers of the subjects of the federation, while preserving an arbitrarily wide variety of elements of a federation.

Keywords: federalism, center, centrality, polity, political form

References

Burgess M. (2012) *In Search of the Federal Spirit: New Theoretical and Empirical Perspectives in Comparative Federalism*. Oxford: Oxford University Press.

«Centre of a Group». (2011) // Hazewinkel M., ed. *Encyclopedia of Mathematics*. Springer. URL: https://www.encyclopediaofmath.org/index.php/Centre_of_a_group (accessed 12.08.2017).

Cioran E.M. (2008) *Gor'kije sillogizmy* [Syllogismes de l'amertume]. Moscow: Eksmo, Algoritm. (In Russ.)

- Davis S.R. (1978) *The Federal Principle: A Journey through Time in Quest of a Meaning*. Berkeley: University of California Press.
- Elazar D.J. (1987) *Exploring Federalism*. Tuscaloosa: The University of Alabama Press.
- Filippov A. (2008) *Sotsiologija prostranstva* [Sociology of Space]. St.Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)
- Foucault M. (1999) *Eto ne trubka* [Ceci n'est pas une pipe]. St.Petersburg: Khudozhestvennyy zhurnal. (In Russ.)
- Friedrich C.J. (1968) *Trends of Federalism in Theory and Practice*. New York: Praeger.
- Karnap R. (1971) *Filosofskije osnovanija fiziki: Vvedenije v filosofiju nauki* [Philosophical Foundations of Physics: An Introduction to the Philosophy of Science]. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Kaspe S.I. (2007) *Tsentry i iyerarkhii: prostranstvennyje metafory vlasti i zapadnaja politicheskaja forma* [Centers and Hierarchies: Spatial Metaphors of Power and Western Political Form]. Moscow: Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij. (In Russ.)
- Koshmilo O.K. (2002) *Istorija formirovanija sub"yektivnosti (strukturno-fenomenologicheskij analiz)* [History of Subjectivity Formation (Structural-Phenomenological Analysis)]. Ph.D. diss. St.Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia. (In Russ.)
- Livingston W.S. (1956) *Federalism and Constitutional Change*. Oxford: Clarendon Press.
- Losev A.F. (1997) *Khaos i struktura* [Chaos and Structure]. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Riker W.H. (1964) *Federalism: Origin, Operation, Significance*. Boston: Little, Brown & Co.
- Sartori G. (1970) «Concept Misformation in Comparative Politics» // *The American Political Science Review*, vol. 64, no. 4: 1033—1053.
- Schmitt C. (2008) *Constitutional Theory*. Durham: Duke University Press.
- Targ S.M. (1999) «Tsentr inertsi (tsentr mass)» [Center of Inertia (Center of Mass)] // *Fizicheskaja entsiklopediya: V 5 t.* [Physical Encyclopedia: In 5 vol.]. Vol. 5. Moscow: Bol'shaja rossijskaja entsiklopedija: 624—625. (In Russ.)
- Weisstein E.W. «Graph Center» // *MathWorld — A Wolfram Web Resource*. URL: <http://mathworld.wolfram.com/GraphCenter.html> (accessed 12.08.2017).
- Wheare K.C. (1963) *Federal Government*. London: Oxford University Press.
- Yampol'sky M. (2004) *Fiziologija simbolicheskogo. Kn. 1. Vozvrashchenije Leviafana: Politicheskaja teologija, reprezentatsija vlasti i konets Starogo rezhima* [Physiology of Symbolic. Vol. 1. The Return of Leviathan: Political Theology, Representation of Power, and the End of Ancien Regime]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)